

1000 дней нежизни.

История Нины в измерении «до» и «после».

В этом году исполняется 65 лет с тех пор, как кончилась Вторая мировая война. Я, как всегда, получила поздравления от родных и друзей. В одном из конвертов была газета, датированная 9 мая 1945 года. Я держу в руках эту газету и память начинает воспроизводить происшедшее 65 лет тому

назад сделавшее мою жизнь совершенно иной: 22 июня 1941 года кончилось существование советской девочки Нины Отрожденной, родившейся в стране СССР.

Все предыдущее было зачеркнуто черными крестоносными силуэтами, появившимися в нашем синем крымском небе и ронявшими на нас смерть, смерть, смерть. В то июньское утро, когда мы еще спали, уже умирали под бомбами наши соотечественники в Киеве, Одессе, в нашем родном Севастополе. До последнего вздоха стояли ребята-пограничники, и умирали со словами: «За Родину», «За Сталина».

Потом были июль, август, сентябрь без школы, люди метались, слухи ширились, предприятия и учреждения эвакуировали имущество и сотрудников. Мы все надеялись на что-то, но все рухнуло, когда было объявлено, что из Крыма эвакуироваться невозможно. Немцы были уже на берегу Керченского пролива. Войска шли на Ялту и Севастополь. На Севастопольском направлении немцы, проведенные через горы предателями, уничтожают санчасти, переправляющие раненых в Севастополь для эвакуации на Большую землю.

Наши уходят, город гудит как растревоженный улей, магазины открыты, без обслуживающих. Людям объявляют брать все, что смогут, потом ничего не будет, и начинается светопредставление, все мечутся, больше портят, чем уносят. Склады горят, взрываются как фейерверки, создают впечатление прощальных салютов. Потом немцы будут давать населению хлеб из полуобгоревшего зерна, пропитанного керосином, мол, ешьте, что вам оставили ваши.

Мы стоим на углу улиц Кирова и Ленина, смотрим на Феодосийский мост. Там работают последние саперы, минируют мост. Мы подходим ближе. Нам кричат: «Уходите, немцы идут с этой стороны». Слышится треск мотоциклов, саперы не успели взорвать мост и свои жизни...

Мы бежим домой. Все соседи нашего двора (которые еще остались) спускаются в подвал.

Закрываем калитку ворот на крючок и сидим в подвале. Начинают трясти калитку и слышим топот сапог во дворе. Дверь в подвал близко к воротам, ее открывают и светят фонариком вниз. В подвал ведет довольно широкая каменная лестница и вот спускаются сапоги и фонарики, вот они, фашисты, вблизи.

Орут, толкают, ищут юде, комиссаров, солдат. Моя мама почему-то привлекает их внимание и они светят ей в лицо и кричат «юде, юде, выходи». Соседи, к счастью еще советские люди, вступаются за маму, уверяя извергов, что она не юде.

Велят выходить, орут « krieg fertig», « raus nach haus» и мы выползаем в оккупацию. Все. Кончилось «до» и начинается « после».

Живем в «после». Это другое измерение, в котором нет ничего, кроме страха и неизвестности. В городе облавы на мужчин, в домах обыски. Ищут оружие. Продовольственные запасы конфискуют.

В людных местах для пушей острастки висят повешенные с надписями «бандит», «партизан», «комиссар». Живем в странном мире. Все остановилось, как бы замерло. Магазинов нет, есть нечего, ходим в деревни менять наши вещи на свеклу, кукурузу.

Наступают холода, топить нечем, ходим собирать щепки. Выходит приказ всем евреям явиться в указанные места в назначенный день. Идут. Идут, мы стоим у ворот и смотрим, идут наши соседи, знакомые, одноклассники.

За городом есть противотанковые рвы, там на краю рва, люди раздеваются, и их расстреливают из пулеметов. Оставшиеся вещи грузят на грузовики и везут в свою комендатуру, где сортируют и от-

правляют в Германию или раздают своим приспешникам..

Дальше наступает наша очередь. Германия нуждается в рабсиле. Сначала вербуют людей, обещая нормальные условия, но соглашающихся набирается недостаточно и следует приказ явиться всем, от 15 до 55 лет, на медосмотр, отказникам - расстрел или отправляют на минные поля под Севастополь.

Мы с мамой проходим медосмотр. Маму оставляют – она плохой работник с ее больным сердцем. Мне сказано приготовиться и явиться в назначенный день во двор новой бани. Собрались мы, новые рабы. Построили нас и, уже под конвоем, повели на товарную станцию. Стоял длинный товарный состав и стали загонять нас в вагоны. Плач, крики, кто-то кого-то ищет, кто-то просто причитает как на похоронах. Моя мама стоит неподвижно и смотрит на меня, потом протягивает ко мне руки, но дверь вагона задвигается и разделяет нас на долгие годы.

Э ш е л о н .

В вагоне полно людей и только дощатый пол для нашего удобства. Большинство женщины, но есть и мужчины. Начинаем устраиваться, садимся как можем, на узлы, на чемоданы. Вздохи, тихий плач. У дверей сидит конвоир с автоматом. Едем в другое измерение. Мы уже не люди, а «штуки» (stuk), так нас регистрировали немцы – «столько-то штук по столько-то пфенингов каждая».

Останавливается эшелон где-нибудь в открытом поле, и нас выпускают по нужде тут же под вагонами. Конвоиры стоят с автоматами на изготове.

Сначала было стыдно, почти невозможно, потом было только очень нужно и выбора не было. Так начиналось уничтожение личности и выявление самых отвратительных сторон человеческой сущности.

Едем, едем, без еды, без воды, все, что было с собой, уже кончилось. Вокруг просторы нашей земли, поля горелой растоптанной пшеницы, разбитая техника. Урожай в этом году не убраны, деревни сожжены, все разрушено.

Приближается граница, из одного из последних вагонов во время очередной остановки пытаются бежать мужчины и подростки. Немцы палят из автоматов, бегущие падают. Потом проходит слух, что кое-кто сумел скрыться.

Наконец приезжаем в Польшу и нас ведут на дезинфекцию и душ. Раздеваемся догола, строимся и идем через двор полный солдат, которые потешаются этим зрелищем, гогочут и шлепают нас по ягодицам. Открывается дверь и нас, дрожащих от стыда и холода, заглывает душевая.

Это помещение достойно особого внимания, т.к. предвещает своим построением то, что потом будет душегубной, где вместо воды будет газ. Это помещение с углубленным полом устроено так, что когда дают воду, мы стоим плотно, плечом к плечу, и просто невозможно выйти из-под потока воды, льющейся со всех сторон. Это кипяток. Мы кричим, немцы смотрят в окна, предусмотренные в дверях, и смеются. Теперь вода идет ледяная, и на этом душ заканчивается.

Перед душем, уже голые, мы прошли проверку на вшей, и многим женщинам отрезали волосы клочьями, и они плачут. Мне повезло, я попадаю в руки старой немки и она, увидев мои длинные русые волосы, легонько толкает меня и тихо говорит «иди, иди». Под душем я успеваю только намылить голову и воду закрывают. Заплетаю я свои намыленные косы и одеваю берет.

Едем дальше. Голову сжимают высохшие с мылом косы. Вещи наши после тщательной немецкой дезинфекции сильно пострадали, старенькие одежки разлезались при первом прикосновении, пуговицы вообще пропали. Не говоря уже об обуви, ссохшейся, покорежившейся. Она приносила людям мучения. Кто остался совсем без обуви, получил деревянные колодки, натиравшие ноги до крови.

Опять вагон. Выдают какие-то консервы и ломоть хлеба. Память отказывается воспринимать окружающее и последние дни этого вагонного существования просто растворяются, исчезают.

Выплываю из этой мглы под крики «loss», «гаус» и лай собак. Приехали. Поезд стоит в открытом поле, людей выгоняют из вагонов, строят в колонну и гонят к виднеющимся вдали воротам – это «Dachau», над нами напутствие: Arbeit macht frei (работа делает свободным).

Да, наше рабство освобождает немцев от этого занятия.

Первые бараки.

Это бесконечные сплошные нары в два яруса (этажа), битком набитые людьми, какое-то кишасщее месиво. Немцы изобрели свой Вавилон. Есть не дают. Мы еще не зарегистрированы. Через несколько дней нас строят на плацу и какие-то люди нас осматривают, ощупывают и выбирают. Это крестьяне из окрестных деревень, которым нужны батраки для уборки картофеля. Тем, кого выбирают, можно сказать, крупно повезло: вырваться из Dachau, где людей ждала судьба крематория.

Два месяца живу вместе с другой советской женщиной в отведенном нам стойле, на соломе, в окружении лошадей, коров и прочей живности, отличающейся от двуногих тем, что не орут и не пинают.

Два месяца жизни в 16 лет, только поля и корзина для картошки на борозде, да стойло с соломой, да ночь немецкая, чужая. Лежу с открытыми в темноту глазами и думаю о маме, о не начатом 8-ом классе, о где-то существующей жизни, из которой я просто выпала. Да, мы были вычеркнуты из жизни. У нас не было одежды, мы не читали, не слушали радио, не могли делать ничего того, что делают люди (нормальные) каждый день.

Картофель собран, еду опять с такими же новыми рабами в какое-то другое измерение. Стоп, приехали. Очередная дезинфекция, очень тщательная. Аккуратно поливают нежные места чем-то жгучим, на голову одевают резиновые береты с трубкой, через которую накачивают какой-то химикат, от чего куда-то плывешь, и кое-кто уплывает навсегда.

Дальше опять пробел, возвращаюсь к действительности в других бараках. Это лагерь на территории завода в городе Мюнхене. Встречаю многих женщин из Симферополя. Начинается наша рабская

жизнь. Утром патруль открывает дверь и кричит «вставать». Строимся колонной и идем работать, 12

часов на прессах, токарных станках.

Кое-кто теряет пальцы на прессах (Лариса, Лена, Люда, Рита). Кого-то убивает током на сварочном автомате, кто-то не просыпается после очередной дезинфекции бараков от клопов (нас загоняют в бараки на ночь, хотя газ еще не совсем выветрился). Так уходят дни нашей жизни, и мы уже не люди, не граждане планеты Земля. Мы не читаем книг, мы не слушаем музыку, мы не видим родных, мы не считаемся людьми

За 32 месяца депортации я не видела ничего кроме 3-х картошек в мундире (часто гнилых), баланды, называемой супом и пайки хлеба. А ведь на свете есть яблоки, персики, виноград, помидоры, не говоря уже об остальном, как, например, булочка франзолька с маслом и красной любимой икрой, как в нашем школьном буфете.

Так прошли мои 16-17-18-19 лет, меня не было.

Нина Васильевна Барнато.

Об авторе

Я, Нина Васильевна Отрожденова-Корчинова, родилась 14 июля 1926 года в городе Симферополе, в солнечном Крыму страны СССР, вторым ребенком семьи служащих Отрожденова Василия Николаевича и Корчиновой Марии Алексеевны. Отец из Ленинграда – Питера, мама из Бирюга-

Буденного

Воронежской области.

Детство и юность проходили как у всех детей: садик, потом школа. Родная 14-я школа города Симферополя Крымской АССР. В 1941 году закончила школу с грамотой отличницы.

Потом была война, оккупация и 1000 дней принудительной работы в немецких лагерях. В мае 1945, после освобождения, вступаю в брак с итальянским военнопленным, моим товарищем по лагерю с 1943 года.

В июле едем с мужем в Италию, гор. Турин. Италия была противником СССР во 2-й Миро-

вой войне и итальянцы принимают советских граждан по-разному: кто по-дружески, а кто камнями в спину.

В 1946 году рождается наша дочь. Ситуация в Италии далеко не блестящая, карточки на хлеб, сахар и другие продукты. Наконец, муж поступает на работу на автомобильный завод ФИАТ в Турине.

В Риме начинает действовать Посольство СССР и я получаю советский паспорт. Пытаюсь связаться с мамой, но она категорически отказывается писать мне в страну врагов. И так будет до 52-го года.

Я настойчиво осваиваю итальянский язык и начинаю работать переводчицей.

Наконец, после 14 лет разлуки, еду домой в Симферополь. Меня встречает мама – совсем старушка. Приходят мои подруги по лагерю и мы вспоминаем 1000 дней нашей нежизни.

Возвращаюсь в Италию. Продолжаю работать, бываю в Москве, в Тольятти, встречаюсь с родными, знакомясь с ними мою дочь и мужа. Мне уже почти прощают невозвращение, но горечь от потерянного и боль от пережитого будучи без вины виноватой, никогда не пройдет.

Мне было 16 лет и меня лишили возможности нормально жить и мечтать о будущем.

Сейчас мне 84 года. Я родилась в стране СССР, и мне очень тяжело сознавать, что я пережила свою

Родину, Флаг, Герб.

Май 2006 -2010г.